

Б. Трайде

**ОБ ИЗУЧЕНИИ СООТНОШЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ
И ЭТНИЧЕСКИХ ЯВЛЕНИЙ И ПРОЦЕССОВ
У НАСЕЛЕНИЯ ЦЕНТРАЛЬНОГО НАГОРЬЯ ПАПУА
НОВОЙ ГВИНЕИ**

Изучение этнических проблем, которому ранее уделялось сравнительно мало внимания, теперь приобретает все более важное значение. Работы советских этнографов по этой проблематике находят широкий отклик, далеко выходящий за пределы собственно этнографической науки, получают большой международный резонанс. Одним из его проявлений была конференция этнографов Советского Союза и ГДР в январе 1977 г. в Лейпциге, посвященная основополагающим вопросам исследования этнических явлений и процессов¹.

Важную роль в развитии этнографической науки, особенно — исследований этнических явлений и процессов, сыграла книга Ю. В. Бромлей «Этнос и этнография», переведенная на болгарский, венгерский, немецкий и итальянский языки². В ряде работ советских ученых уже были применены исследовательская методика и понятийный аппарат, предложенные Ю. В. Бромлеем, и продолжено обсуждение затронутых в этой книге теоретических и методических проблем.

В настоящей статье делается попытка применить опыт и методику уже осуществленных исследований к изучению этнической и социальной ситуации, характерной для коренного населения Центрального нагорья Папуа Новой Гвинеи.

В своей книге Ю. В. Бромлей довольно подробно проанализировал соотношение этноса в узком смысле слова и этносоциального организма в условиях первой социально-экономической формации — первобытнообщинного строя³.

По Ю. В. Бромлею, племя — главное этническое звено первобытного общества. Племя — это не только этникос, но и социальный и этносоциальный организм. Правда, Ю. В. Бромлей вводит ограничение: сказанное относится только к племени развитого первобытного общества, к племени как социально-потестарной общности. Племя же раннего первобытного общества — этникос, но еще не этносоциальный организм⁴.

¹ В. И. Козлов, Д. Трайде. Симпозиум, посвященный исследованию этнических явлений и процессов. — «Сов. этнография», 1978, № 1, с. 147—149.

² Ю. В. Бромлей. Этнос и этнография. М., 1973; Ю. В. Бромлей. Этнос и этнография. София, 1976; Ju. V. Bromlej. Ethnosz és neprajz. Budapest, 1976; Julian V. Bromlej. Ethnos und Ethnographie. Berlin, 1977; Ju. V. Bromlej. Etnos e etnografia. Mosca (Edizioni Progress), 1978.

³ Ю. В. Бромлей. Указ. раб., с. 35—47.

⁴ Там же, с. 127—128. Некоторые видные советские исследователи — Ю. В. Бромлей дискутирует с их взглядами — являются сторонниками мнения, что основные этнические подразделения первобытнообщинного строя не вмещаются в рамки племени. Н. Н. Чебоксаров считает, что «основными типами этнических общностей эпохи перво-

Род, по Ю. В. Бромлею, был основной единицей и основной ячейкой социально-потестарной общности, однако он не был целостным социальным организмом и поэтому не мог быть и этносоциальным организмом⁵. Но правомерно задать вопрос, существовали ли до формирования племени как социально-потестарной общности не только социальные единицы или социальные ячейки, но и социальные организмы?

Совершенно очевидно, что эта проблема ждет еще своего решения.

В публикациях советских историков и этнографов последних лет особое внимание уделялось вопросу о том, каков должен быть методический подход к истолкованию развития и структуры социально-экономических формаций наряду с развитием и переплетением различных способов производства и общественно-экономических укладов⁶. Становится все очевиднее, что разработка основных понятийных категорий и употребление их для обозначения определенных форм общественного бытия имеют важное значение как для анализа этнических процессов, так и для определения исторических типов этнических общностей. И важно это не только для понимания и описания основных этнических подразделений разных эпох, но в первую очередь для характеристики «этнических микроединиц», как называет их Ю. В. Бромлей. Говоря о «микроэтносоциальных единицах», об «этносоциальных микроединицах» или о «социально-этнических микроединицах», Ю. В. Бромлей ставит проблему связи этнических микроединиц с определенными социальными организмами и ячейками⁷.

Предлагаемая работа посвящена некоторым вопросам конкретного исследования «микроэтнических» или «микроэтносоциальных» единиц в рамках развития первобытного строя, причем учитывается то, что микро- и макроэтнические единицы существуют не безотносительно друг к другу. Этнографический материал о коренном населении Центрального нагорья Папуа Новой Гвинеи также свидетельствует о том, что в своем развитии эти единицы постоянно связаны друг с другом. Выяснить характер таких исторических связей — одна из важнейших задач предстоящих исследований этнических процессов⁸. Вместе с тем известно, что в качестве источников для исследования различных типов макроэтнических единиц важное значение имеют лингвистические, антропологические и

бытнообщинного строя были, вероятно, группы родственных племен, живущих на смежных территориях, говорящих на диалектах одного языка и обладавших многими общими особенностями культуры» (Н. Н. Чебоксаров. Проблемы типологии этнических общностей в трудах советских ученых. — «Сов. этнография», 1967, № 4, с. 101). Эту точку зрения разделяет и С. А. Арутюнов (см. С. А. Арутюнов, Н. Н. Чебоксаров. Передача информации как механизм существования этносоциальных и биологических групп человечества. — «Расы и народы», 2, М., 1972, с. 23). Своим определением этноса в более узком смысле — этникоса — Бромлей также не исключает существования этнической общности первобытного общества, объединяющей много племен, так как он говорит об «исторически сложившейся совокупности людей, обладавших общими относительно стабильными особенностями культуры» (Ю. В. Бромлей. Указ. раб., с. 37).

⁵ Ю. В. Бромлей. Указ. раб., с. 127.

⁶ Ю. И. Семенов. Значение категории «общественно-экономический уклад» для анализа социально-экономического строя общества. — «Научн. докл. высшей школы. Философские науки», № 3, М., 1976, с. 39—48; ср. также М. А. Барг. О некоторых методах типологизации исторических явлений в трудах В. И. Ленина. — «История СССР», 1973, № 2.

⁷ Ю. В. Бромлей. Указ. раб., с. 136, 144.

⁸ В. Treide. Soziale Strukturen und ethnische Verhältnisse im zentralen Hochland von Papua — Neuguinea (работа выйдет в «Jahrbuch des Museums für Völkerkunde zu Leipzig», Bd XXXI). О методике исследования макроэтнических единиц см. С. И. Брук, Н. Н. Чебоксаров. Метаэтнические общности. — «Расы и народы», 6, М., 1976, с. 15—41. Недавно Ю. В. Бромлей проследил связь социального и этносоциального организмов, с одной стороны, и ареала традиционной культуры и социально-культурного региона — с другой (А. Н. Жилина, А. Е. Тер-Саркисянц. Всесоюзная сессия, посвященная итогам полевых этнографических и антропологических исследований 1976—1977 гг. — «Сов. эт-

археологические данные, а из этнографических источников — в первую очередь данные материальной культуры. Работа над этими источниками требует применения специфических методов, например, выяснения членения изучаемого региона на историко-этнографические области или историко-культурные провинции и т. п. Несмотря на то, что за последние два десятилетия сделано очень много, все еще далеко не завершены собирание и научная оценка лингвистических, антропологических, археологических, а также этнографических материалов о некоторых сферах жизни и деятельности населения Центрального нагорья Папуа Новой Гвинеи. И все же мы располагаем довольно обширными сведениями, необходимыми для понимания микроэтнических или микроэтносоциальных единиц и для решения вопроса, какие именно социальные единицы выступали и выступают здесь в качестве основных этнических подразделений.

Мы избрали в качестве объекта исследования соотношение этнических и социальных явлений и процессов у коренного населения Центрального нагорья Папуа Новой Гвинеи, чтобы попытаться ответить на вопрос, можно ли распространить то, что Ю. В. Бромлей говорит о раннем первобытном обществе (опираясь на материалы по коренному населению Австралии) и о развитом первобытном обществе (здесь он упоминает данную Ф. Энгельсом характеристику племен индейцев Северной Америки, древних греков, римлян и германцев)⁹, на развитие этой формации на всех ее этапах, т. е. и в период или в периоды окончательно сформировавшегося родового общества, где нет еще ни всеобъемлющих форм территориально-политической организации (или они имеются лишь в зачаточной стадии), ни ярко выраженных форм зависимости и эксплуатации.

Как известно, народы Меланезии, особенно Папуа Новой Гвинеи, в доколониальный, а частично и в колониальный периоды находились по своему развитию на различных стадиях первобытного общества, главным образом в фазе развитой родовой организации. И. Зельнов в своей периодизации первобытного общества отнесла население Папуа Новой Гвинеи к позднему периоду первобытного общества, ко времени расцвета родового строя¹⁰. Но в этом контексте она почти не касается населения Нагорья. К тому же подавляющее большинство монографий об этом районе вышло в свет после 1961 г.

По мнению Н. А. Бутинова, на Новой Гвинее наиболее широко распространена родовая община, характерная для первобытнообщинного строя периода его расцвета¹¹. В этой связи он называет прежде всего население горных районов, такие группы, как вабаг, чимбу, мэнди, хули, дани, капауку и др., в то время как другие племена Новой Гвинеи, по его мнению, уже вступили в начальную стадию разложения первобытнообщинного строя (как, например, пурари, орокаива, мекео, жители островов Мана и Вогое)¹².

Более детальное исследование взаимоотношений между социальными структурами и этническими общностями на примерах мбовамб, кума, чимбу и группы йегуэ племени кукукуку, а также сравнительный анализ определенных социальных явлений у других народов Нагорья приводят к выводу о том, что, как правило, в качестве этносов в узком смысле

нография», 1978, № 6, с. 146). Такой методический прием, безусловно, перекрывает понятие «культурной единицы» (cultunit) Наролла — см. R. Naroll. On ethnic unit classification. — «Current Anthropology», v. 5, № 4, 1964, p. 286 ff.

⁹ Ю. В. Бромлей. Указ. раб., с. 127.

¹⁰ I. Sellnow. Grundprinzipien einer Periodisierung der Urgeschichte. Berlin, 1961, S. 112—113.

¹¹ Н. А. Бутинов. Папуасы Новой Гвинеи. М., 1968, с. 7.

¹² Там же, с. 8.

(этнических) следует рассматривать не те общности, которые называются в источниках «племенами» («tribes»)¹³. Лишь широкое вовлечение в исследование социальных общностей более высокого или более низкого порядка, чем племя, позволяет хотя бы приблизительно выделить этносы в узком значении этого термина (см. таблицу).

Анализируемые данные дают возможность отчетливо увидеть наличие социальных общностей различного порядка, именуемых авторами то группами племен, то племенами, то подразделениями кланов и т. д. Все подобные общности, очевидно, существовали на обширных просторах Центрального нагорья. При этом далеко не в каждом случае можно установить, действительно ли у разных авторов различные названия выражают реальные количественные или качественные различия сопоставляемых социальных общностей. Зафиксированные самоназвания некоторых таких общностей свидетельствуют, вероятно, об их реальном существовании и в той или иной мере характеризуют их отношение друг к другу.

Анализ показал также, что с общностями различного порядка были связаны различные задачи и функции. У населения Центрального нагорья, по-видимому, нередко случалось, что социальные общности, превысив какой-то определенный количественный предел и предел территориальной протяженности, делились, а вновь возникшие образования принимали на себя функции первичных общностей. В связи с этим следует упомянуть описанный М. Рэй пример развития двух самостоятельных «секций клана» у кума и как следствие — соблюдение обоими новыми кланами правил экзогамии¹⁴.

Этнографические материалы Центрального нагорья показывают в то же время, что определенные социальные функции и задачи не были necessarily связаны с каким-то конкретным «уровнем» социальной организации. Несмотря на многообразные процессы «сегментации» разраставшихся социальных общностей, можно отметить значительные различия как в численности, так и в степени организованности единиц одинакового уровня в пределах одного этноса, региона или от региона к региону: существовали численно слабые и относительно сильные кланы и подразделения кланов, кланы и их подразделения со значительным хозяйственным потенциалом и весьма влиятельные и наряду с ними дисперсно расселенные подразделения кланов, находившиеся в относительной зависимости, не пользовавшиеся авторитетом и не имевшие влиятельных предводителей¹⁵. Радиус действия и область влияния столь разнообразных общностей, естественно, весьма различны. К тому же их определенные функции воспринимались в соответствии с социальным значением этих общностей на различных уровнях: распространявшиеся и усили-

¹³ Наш анализ опирается прежде всего на следующие источники: *G. F. Vicedom, H. Tischner*. Die Mbowamb.— «Die Kultur der Hagenberg-Stämme im östlichen Zentral-Neuguinea», Bd 3, Hamburg, 1943—1948; *M. Reay*. The Kuma. Melbourne, 1959; *P. Brown, H. C. Brookfield*. Chimu land and society.— «Oceania», v. XXX, № 1, 1959, p. 1—75; *H. Fischer*. Negwa. Eine Papua-Gruppe im Wandel. München, 1968.

¹⁴ *M. Reay*. Указ. раб., с. 30—33, 120; ср. также; *P. Brown, H. C. Brookfield*. Указ. раб., с. 56—59. Клан кума были различны по своей величине: от 100 до 1700 чел. Число членов кланов и их внутренняя структура, очевидно, менялись. Рэй называет 10 кланов (объединявших от 100 до 300 чел.), разделенных в то время на два или более субкланов. Эти субкланы носили имена своих мнимых легендарных основателей, сыновей пращуров клана. Субклан жил замкнуто на одном из участков территории клана. 14 кланов с числом членов от 200 до 900 состояли из двух или более субкланов, делившихся в свою очередь на субсубкланы. Последние вели свое происхождение от отдаленных потомков основателей субкланов. Три из 27 кланов кума, в каждый из которых входило от 700 до 1700 чел., имели по два больших подразделения (по Рэй — главных сегмента), в которые входило много субкланов с их субсубкланами. Селения субкланов, объединенных в такие большие подразделения, совпадали с региональным подразделением кланов.

¹⁵ *P. Brown, H. C. Brookfield*. Указ. раб., с. 46 сл., 56 сл.; 62.

Соотношение этнических и социальных общностей Центрального нагорья Папуа Новой Гвинеи

Термины по книге Ю. В. Бромлея «Этнос и этнография»	Г. Ф. Вицедом, Х. Тишнер «Мбовамб...»	М. Рэй «Кума...»	П. Браун, Х. Брукфилд «Чимбу...»	Х. Фишер «Негва...»
Макроэтническая единица	Языковая группа мела или более крупное региональное подразделение этой языковой группы (около 25 000 чел.)	Семья родственных племен как вариант этнолингвистических общностей (самоназвание агамп ви) (около 25 000 чел.)	Семья родственных племен как вариант этнолингвистических общностей (чимбу, не имеющие общего самоназвания, но с преданием об общности происхождения) (около 60 000 чел.)	Этнографическая общность в рамках историко-этнографического района (без общего самоназвания, другие называют их «кужукуку») (около 60 000 чел.)
Этнос (этникос)	Общность, состоящая из девяти племён с самоназванием мбовамб	Диалектальная группа йоови	Одно или несколько формирующихся «племен» как ядра новых этносов	Несколько соседних племён, состоящих в особо тесных разнообразных отношениях как формирующийся этнос
Социальный организм и этносоциальный организм	Племя мбовамб или группировка особенно тесно связанных племён	Социально выделявшиеся кланы как ядро формирующихся социальных и этносоциальных организаций	«Племена», формирующиеся из состава нескольких кланов вследствие общественно-экономической дифференциации и большей роли территориальных отношений	Племя
Социальная ячейка	Род	Клан	Клан и подразделение клана	Линидж
Этносоциальная микроединица	Несколько родовых общин, социальная жизнь которых определяется локализацией звеньями одного рода или нескольких тесно друг с другом связанных общин	Несколько родовых общин, кланы которых находятся в близких социальных отношениях друг с другом	Не определены однозначно	Локальные группы с жителями, относящимися к нескольким линиям

вающиеся противоречия могли перейти с уровня кланов на уровень племенных подразделений, племен и союзов племен¹⁶.

Связи между отдельными кланами и подразделениями кланов внутри более крупных социальных общностей проявлялись неодинаково. По М. Рэй, взаимоотношения кланов кума, относящихся к одной фратрии, в недавнем прошлом складывались различно — от дружественных до открыто враждебных: непосредственно соседствующие друг с другом кланы чаще всего вели себя «по-братски», они избегали враждебных действий (в том числе и вооруженных столкновений), по возможности одновременно совершали свои обряды, и в недавнем прошлом их члены часто вступали друг с другом в брачные отношения. Другие кланы рассматривали друг друга как традиционных врагов. Любая форма сотрудничества между ними была исключена; избегали даже обыденных встреч. Часто происходили воинственные столкновения. Прочие же кланы в своих взаимоотношениях были амбивалентны по отношению друг к другу. Дружеские отношения могли сменяться враждебными, причем сразу же прекращалось заключение новых межклановых браков. Но их снова начинали заключать, как только была выплачена компенсация за убитых и совершены обряды, связанные с восстановлением мира¹⁷.

Отношения между кланами и подразделениями кланов, иногда стабильные на протяжении длительного времени, а иногда — менявшиеся, оказывали влияние на общественную жизнь не только в пределах крупных социальных общностей, но — по мере демографического развития, увеличения населения — они явно влияли и на отношения между крупными социальными и этническими общностями. По мнению М. Рэй, языковые границы раздвигались или сужались в соответствии с передвижениями кланов и подразделений кланов, достигавших иной раз внешних границ района филы и становившихся двуязычными. Рэй применяет термин «фила» к трем различным региональным единицам; поэтому не ясно, что она понимает под внешними границами района филы — границы расселения группы нангамп, диалектной группы йоови или кума. Из контекста все же как будто следует, что имеется в виду территория диалектной группы йоови. Жители северных предгорий водораздела рек Вахги и Сепик действительно живут в близком соседстве с переселенцами из областей расселения хаген, чимбу и северных и южных районов области среднего Вахги. Такова же картина этнических контактов в районе, непосредственно примыкающем с юга к хребту Кубор, где среди местного населения дисперсно живут переселенцы с территорий обитания кума и чимбу и из района Маунт-Хаген¹⁸.

Для Центрального нагорья можно выдвинуть такую гипотезу: выделявшиеся здесь кланы и относительно стабильные союзы кланов функционировали в качестве ядра новых развивавшихся этнических общностей. Многолюдность их взрослого населения предопределила их экономический и внеэкономический потенциал, выходящий за пределы среднего уровня. Вполне возможно, что дело доходило как до расширения этнической территории, так и до внутренней консолидации этноса. Может быть, именно таким образом и начали складываться социальные и этнические общности качественно нового типа¹⁹. Возможно, что отход

¹⁶ Там же, с. 41 сл.; R. M. Berndt. Warfare in the New Guinea Highlands.— «American Anthropologist», v. 66, № 4, pt. 2, 1964, p. 188 ff.

¹⁷ M. Reay. Указ. раб., с. 26, 54, 58—59, 61.

¹⁸ Там же, с. 33.

¹⁹ Изучение формирования этнических общностей исторически новых типов при переходе от одной общественно-экономической формации к другой останется, несомненно, и в дальнейшем очень важной задачей этнографического исследования. Анализ специфики этнических явлений и процессов в условиях многоукладности социально-экономических отношений в молодых национальных государствах см., например: Р. Н. Исмаилова. Этнические проблемы современной тропической Африки. М., 1973; Б. В. Андрианов. Специфика формирования африканских наций.— «Расы и народы»,

на задний план так называемых фратрий (союзов нескольких «родственных» кланов) по сравнению с племенами был выражением такого развития. Такие «племена» развивались, очевидно, не только за счет количественного разрастания кланов (и группировок тесно связанных между собой кланов), но и за счет постепенной социально-экономической дифференциации, возникновения ведущих кланов или союзов кланов и по мере усиления значения соседских, территориально обусловленных связей наряду со связями родственно-генеалогическими. К этому вопросу мы еще вернемся.

Недавние публикации конспектов К. Маркса по работам М. М. Ковалевского 70-х — начала 80-х годов еще раз подтверждают, как много внимания К. Маркс и Ф. Энгельс уделяли вопросам локального и общесоциального развития родственных или территориальных форм социальной организации в доклассовом обществе и в период перехода к классовому обществу. В этих конспектах при описании развития родовых общин и превращения их в то, что Маркс в своих черновиках пишет к В. Засулич назвал земледельческими общинами, упоминается и возникновение особо выделившихся родственных групп²⁰. Исследование этого явления, несомненно, имеет важное теоретическое и практическое значение.

Существование ведущих «племен» или кланов-лидеров на Нагорье Папуа Новой Гвинеи было, вероятно, результатом относительно высокой продуктивности земледелия, относительно высокой плотности населения, быстрого роста отношений обмена, сложившихся на почве постоянного избытка продуктов в сочетании с продолжающейся социально-экономической дифференциацией²¹. Более или менее крупные социальные общности и их группировки складывались различными путями, хотя и не без связи друг с другом.

С одной стороны, — и об этом мы уже упоминали ранее — наблюдался «внутренний» численный рост отдельных социальных (и этнических) общностей. Племенная экзогамия у мбовамб²² позволяет предположить, что многочисленность этих племен является результатом интенсивного увеличения населения на Центральном нагорье. По крайней мере вероятно, что общности, названные Г. Ф. Вicedомом племенами, еще сравнительно недавно были более мелкими общностями и соблюдали брачную экзогамию. С приростом населения эта традиция продолжала сохраняться. Возможно, что вследствие увеличивающейся плотности населения и сложился — как называет его Ю. В. Бромлей — новый эндогамный круг²³. В данном случае здесь, несомненно, можно говорить об этноэволюционном процессе²⁴.

7, М., 1977, с. 173 сл.; Б. В. Андрианов, Р. Н. Исмагилова. Этносы и этнические процессы в Африке (К проблеме типологии). — «Сов. этнография», 1979, № 5. Определенные теоретико-методические принципы анализа этих отношений, несомненно, применимы и к переходным обществам другого типа.

²⁰ H.-P. Harstick. Vergleichende Studien zur Geschichte des Grundeigentums im Nachlass von Karl Marx: Exzerpte aus M. M. Kovalevskij: Obsčinnoe zemlevladienie (1879). Münster 1974, S. 26; см. также: *его же*. Karl Marx über Formen vorkapitalistischer Produktion. Vergleichende Studien zur Geschichte des Grundeigentums. — «Quellen und Studien zur Sozialgeschichte», Bd 1. Frankfurt/Main. — N. Y., 1977. Рецензия на первую работу: Н. Б. Тер-Акопян. Новые зарубежные публикации литературного наследия К. Маркса и некоторые проблемы первобытной истории. — «Сов. этнография», 1978, № 1.

²¹ См.: R. A. Rappoport. Pigs for the ancestors. New Haven — London, 1967; R. C. Kelly. Demographic pressure and descent group structure in the New Guinea Highlands. — «Oceania», v. XXXIX, № 1, 1960; A. Strathern. The rope of Moka: Big-men and ceremonial exchange in Mount Hagen, New Guinea. Cambridge, 1971; J. B. Watson. Pigs, fodder and the Jones effect in post-ipomoean New Guinea. — «Ethnology», v. XVI, № 1, 1977.

²² G. F. Vicedom, H. Tischner. Указ. раб., с. 25—26.

²³ Ю. В. Бромлей. Указ. раб., с. 117.

²⁴ Там же, с. 153.

Характерно, что при этом держались совершенно определенной «стратегии» заключения браков. «Ценность» женщины как важной производительной силы людей была очень высока, поэтому наблюдалось стремление к полигинии²⁵. Заключение браков в пределах определенных групп и с определенными личностями могло служить дальнейшему упрочению общественных позиций и росту престижа. Особенно густая сеть брачных отношений между двумя или несколькими группами, а также широко разветвленная их сеть, охватывающая возможно большее число социальных общностей, создавали очень стабильные и соответственно широкие возможности кооперирования в области экономики и связанного с ней совместного выполнения обрядов, а также закладывали основы военной помощи при возникавших время от времени столкновениях. И, таким образом, сферы эндогамии, конечно же, должны были меняться и даже, вероятно, сравнительно быстро.

Специальным предметом исследования могло бы стать определение того, до какой степени эндогамия сохраняла и могла сохранять в таких условиях достаточную историческую стабильность как критерий определения этникоса. В сознании населения Нагорья эта эндогамия существовала, конечно, в первую очередь как явление, вытекавшее из представлений и обычаев экзогамии. Не исключено, что представление об эндогамных кругах нередко основывалось на статистических данных, собранных участниками экспедиций, и могло не соответствовать тому, которое существовало в сознании коренного населения²⁶.

В известной мере материал для ответа на этот сложный вопрос дают нам исследования А. и М. Стразерн. В своей статье «Браки в Мелпа» они показывают, что многочисленность группы могла быть существенным фактором, определявшим бытование экзогамии, и устанавливая, что племена менее чем в 500 чел. были иногда экзогамными, а в более многочисленных отмечается довольно высокий процент эндогамных браков²⁷. Отношения здесь, конечно, не всегда укладываются в схему. Так, члены племени кавелка (860 чел.) с тремя экзогамными кланами отчетливо проявляют тенденцию вступать в связи вне племени. И только 29,7% мужчин женились на женщинах из своего племени. Два клана племени типука (2419 членов) заключили от 30 до 40% браков с женщинами своего племени, в то время как у племени веи, численно в 2 раза меньшем (1250 чел.), было обнаружено даже 55% внутриплеменных браков. А. и М. Стразерн указывают, что веи, которым соседнее племя типука постоянно угрожало войной, решили широко пользоваться возможностью жениться на женщинах своего племени, «чтобы их женщины не рожали детей их врагам»²⁸.

Несмотря на эти факты, основной тенденцией оставалось все-таки растущее стремление к широким брачным связям. Оно вполне объяснимо, так как отношения с родными мужа или жены, по-видимому, играли по всему Нагорью чрезвычайно важную роль во всех жизненных ситуациях как для отдельных лиц, так и для групп родственников²⁹. В свою

²⁵ R. C. Kelly. Указ. паб., с. 41—42; P. Brown. Marriage in Chimbu.— R. M. Glasse, M. J. Meggitt (eds). Pigs, pearshells and women. New Jersey, 1969, p. 77—95; M. Strathern. Women in between. Female roles in a male world: Mount Hahen, New Guinea. London — New York, 1972, p. 50 ff.

²⁶ M. Reay. Указ. паб., с. 22, 58, 61, 66—67, 86, 97—98; см. также: D'Arcy Ryan. Clan formation in the Mendi Valley.— «Oceania», v. XXIX, 1959, p. 267 а. о.; P. Brown. Указ. паб., с. 86—87.

²⁷ A. Strathern, M. Strathern. Marriage in Melpa.— R. M. Glasse, M. J. Meggitt (eds). Указ. паб., с. 139.

²⁸ A. Strathern, M. Strathern. Указ. паб., с. 55.

²⁹ М. Меггит пыталась выделить два основных типа отношения к родственникам: мужу или жене у жителей Центрального нагорья Папуа Новой Гвинеи: отношения преодолимого недоверия и презрения у маэ энга и отношения тесной кооперации у кума (M. J. Meggitt. Male-female relationships in the Highlands of Australian New Guinea.— «America Anthropologist», v. 66, № 4, 1964, pt. 2, p. 204—224). Оценка этого явления потребовала бы анализа всей методико-теоретической концепции Меггита.

очередь это было, несомненно, предпосылкой другой очень важной тенденции социального развития народов Нагорья: в этом регионе в локализованных кланах или их подразделениях, т. е. в клановых общинах, нередко жили взрослые мужчины, чужие по происхождению, хотя нормы вирилокального поселения семей, казалось бы, еще не потеряли силу³⁰. Это явление встречалось в различном процентном отношении и притом далеко не во всех группах населения Нагорья; именно им, как известно, была вызвана длившаяся годы дискуссия, в ходе которой сыгнали свою роль и субъективные точки зрения. Было немало попыток непосредственно объяснить этот феномен экологическими и демографическими факторами — или как следствие небольшой плотности и разбросанности населения, или, напротив, как результат особенно большой плотности населения, но обе эти точки зрения так и не встретили всеобщего признания³¹. Предположение, что переселение взрослых мужчин надолго или навсегда в чужие селения связано с процессом социально-экономической дифференциации и прежде всего с выделением экономически сильных и поэтому пользующихся уважением «больших людей» («big men»), кажется более обоснованным. Индивидуальное решение сменить место жительства, стремление «сменить подданство» и жить в другом клане или другом подразделении клана очень часто проистекало из желания примкнуть к такому «большому человеку», войти в его окружение с целью извлечь из этого выгоду³².

Из сказанного следует, что общественные отношения у населения Нагорья в доколониальный и раннеколониальный периоды нельзя считать «сегментными», но не следует видеть в них и племенное общественное устройство с предводителями племени, племенными советами и т. п. Как же следует исторически оценить существование системы относительно широко и многообразно связанных между собой «больших людей» (положение и влияние которых тесно связано с формированием и ролью выделившихся ведущих социальных общностей, особенно выделившихся кланов-лидеров), и следует ли в этом региональном явлении искать общие исторические закономерности? Вопрос этот нельзя решить только по материалам острова Новая Гвинея³³. Во всяком случае на Центральном нагорье Папуа Новой Гвинеи не было устойчивых постестарно-политических общностей, резко отграниченных от общностей другого типа. Очевидно, в этом случае недоставало какой-то важной объективной предпосылки для формирования стабильных этнических и этносоциальных общностей.

³⁰ См.: R. F. Salisbury. Asymmetrical marriage systems.—«American Anthropologist», 1956, v. 58, p. 648; D'Arcy Ryan. Указ. паб., с. 286—288; L. L. Langness. Some problems in the conceptualization of Highlands social structure.—«American Anthropologist», v. 66, № 4, pt. 1964, 2, p. 166 ff.; M. J. Meggitt. The lineage system of the Mae Enga of New Guinea. Edinburgh, 1965, p. 270; P. M. Kaberry. The plasticity of New Guinea kinship.—M. Freedman (ed.). Social organization. Essays presented to Raymond Firth. London, 1967, p. 105—124; R. C. Kelly. Указ. паб., с. 48, 52—54; E. A. Cook. Marriage among the Manga.—R. M. Glasse, M. J. Meggitt (eds). Указ. паб. и др.; о соотношении территориальной и родственной организации см. также в статье: B. Treide. Zu einigen Fragen der sozialökonomischen Entwicklung der Grundbevölkerung Ozeaniens in neueren Arbeiten sowjetischer Ethnographen.—«Jahrbuch des Museums für Völkerkunde zu Leipzig», Bd XXIX, 1973, S. 13—28.

³¹ См.: P. M. Kaberry. Указ. паб.; R. C. Kelly, Указ. паб.; J. B. Watson. From hunting to horticulture in the New Guinea Highlands.—«Ethnology», v. IV, № 3; 1965; E. Waddell. Raiapu Enga adaptive strategies: structure and general implications.—H. Brookfield (ed.). The Pacific in transition. London, 1973; J. B. Watson. Указ. паб., с. 57.

³² См. P. M. Kaberry. Указ. паб., с. 115 сл.

³³ Как известно, первые соображения о межрегиональном сравнительном изучении института «больших людей» и других форм развития социальных привилегий высказал М. Салинс. См. M. D. Sahlin. Poor man, rich man, big man, chief: political types in Melanesia und Polynesia.—A. P. Vayda (ed.). Peoples and cultures of the Pacific. N. Y., 1968, p. 157—176.

Необходимо выяснить, не играют ли в условиях первобытнообщинного строя (по крайней мере до начала его разложения) институционально закрепленные родственные и территориальные (а также неразрывно соединенные с ними экономические) связи примерно ту же роль при формировании социальных и этносоциальных организмов, какую на более высоком уровне социально-экономического развития выполняют преимущественно потестарно-политические институты (с лежащими в их основе экономическими и социальными отношениями).

Как следует из сказанного, в районе Центрального нагорья экономические и внеэкономические факторы и явления были очень тесно связаны. Динамичное развитие этнических и этносоциальных общностей в результате мирной экономической и социальной деятельности находилось в неразрывном диалектическом единстве с укреплением и расширением границ этих общностей в результате длительной вражды и союзов, заключавшихся с целью взаимной поддержки в случае военных столкновений.

По единодушному утверждению всех авторов, военные столкновения на Нагорье случались часто и повсеместно³⁴. Но вместе с тем те же источники ясно показывают, что войны были разные. «Повседневные» стычки с соседними группами населения (например, из-за вторжения свиней в чужие огороды) могли вести к раздорам и осложнениям. Но если это происходило внутри клана или «племени», то существовала возможность относительно быстрого и простого урегулирования. Напряженные отношения соседствующих групп еще не исключали активного заключения браков между их членами, в то время как более глубокая вражда делала подобные брачные связи невозможными. Во времена военных столкновений родственники по мужу или жене, а также «партнеры по торговле» («trading partners») ощущали это, очевидно, на себе, к ним было особое отношение. В целом же стабильные церемониальные обменные связи способствовали укреплению дружеских отношений между отдельными народами или по крайней мере были предпосылкой таковых. В дальнейших исследованиях необходимо уделить внимание механизму «превращения» враждебных отношений в обменные и вопросам использования экономических и внеэкономических военных средств при соперничестве между группами и их «большими людьми». В военные конфликты, очевидно, как правило, вовлекались общности более высокого порядка: клан, группировки кланов, «племя» и т. д. Можно доказать, что существовали длительные союзы между группами, а также и «кровная вражда», но нужно принимать во внимание и нередко происходившее изменение характера подобных отношений. Целью военных нападений могло быть убийство противников и их изгнание с занимаемых ими земель, подрыв хозяйственного потенциала (например, уничтожение плодовых деревьев и захват свиней, а также «присвоение» женщин и детей). Существование численно слабых кланов или их подразделений, как и прием «беглецов» в другие группы, наверняка объясняются подобными причинами. Некоторые авторы подвергают сомнению тот факт, что войны велись из-за земли. Нехватка земли, действительно, возникала лишь в редких случаях — в соответствии с уровнем развития производительных сил и местными природными условиями. Правда, достоверно выяснить причины войн весьма трудно. Во всяком случае было много переселений под давлением противника, причем часто переселений массовых и на долгое время.

³⁴ С этими рассуждениями ср.: K. E. Read. Cultures of the Central Highlands, New Guinea.— «Southwestern Journal of Anthropology», v. 10, № 1, 1954, p. 11—12; P. I. Brown, H. C. Brookfield. Указ. паб., с. 42—43; R. F. Salisbury. From stone to steel. Melbourne, 1962, p. 14; R. M. Berndt. Указ. паб., с. 183; P. Brown. Enemies and affines.— «Ethnology», v. III, № 4, 1964, p. 335 а. о.; R. A. Rappoport. Указ. паб., с. 17—28, 99—100; P. M. Kaberry. Указ. паб., с. 121; R. C. Kelly. Указ. паб., с. 43—45; A. Strathern. Указ. паб., с. 73—90; M. Strathern. Указ. паб., с. 228; P. Sillitoe. Land shortage and war in New Guinea.— «Ethnology», v. XVI, № 1, 1977, p. 71—81.

Как связи по браку, обмену и обрядам, так и тесно примыкающие к ним дружеские или враждебные отношения занимали на Центральном нагорье большое место и определяли отношения отдельных групп населения друг к другу; несомненно, существовала известная стабильность всех этих отношений. Но постоянное колебание от союзов к военным столкновениям при существующих вместе с тем межгрупповых брачных связях, конечно, влияло на выработку и развитие этнического самосознания и, возможно, осложняло этот процесс.

Несомненно, что в сознании жителей Нагорья формировалось единое представление о своем происхождении, принадлежности к определенной группе населения и отличии от других групп. Возможно, память об исторически реальных генетических связях нередко сохранялась в форме мифологических преданий о первоначальном местожительстве, о расселении отдельных групп и возникновении родственных отношений между различными по происхождению группами или, напротив, отношения, сложившиеся между группами, численность групп и их общественное положение, отношения дружбы и вражды проецировались в мифическое прошлое³⁵. В таких преданиях очень часто находит свое выражение так называемая «патрилинейная идеология»: различного рода связи между социальными единицами интерпретировались как патрилинейное генеалогическое родство.

«Большие люди» продолжают «дописывать», доводя до сегодняшнего дня, мифы о происхождении и принадлежности к определенному роду, так как это остается существенным, если не определяющим элементом этнического самосознания. Разумеется, делают они это, преследуя собственные интересы³⁶. Так как этнографы часто использовали как информаторов именно таких людей, нельзя установить по литературе, в какой мере подобные рассказы вошли в бытовое сознание членов той или иной общности.

Судя по сравнительно немногочисленным сведениям, заимствованным из источников, в повседневном сознании этноинтегрирующую и этнодифференцирующую роль играли весьма различные моменты, например одежда, элементы ритуальной традиции или даже антропологические особенности. Мэрилин Стразерн удалось собрать у племен хаген интересные данные, говорящие об этнодифференцирующей функции свадебных обычаев, что, по-видимому, было особенно важно для исследования повседневного сознания людей. Согласие на заключение брака между более отдаленными племенами (рассматривавшими себя, по М. Стразерн, как «regional clusters» — региональные объединения) зависело — кроме обычных проблем, возникающих при установлении размера выкупа за невесту, — в большой мере и от того, могли ли обе стороны договориться, каким именно образом будет происходить передача даров невесте и положенных даров со стороны невесты. Как правило, родственники и друзья жениха для демонстрации своего великодушия действовали согласно обычаям клана невесты. Сватовство часто осложнялось опасением, что данное обещание может быть не выполнено «более чужими». В качестве иллюстрации приведем хотя бы один пример из многих: так, большую роль играли различия в отношении к свинине у северных и центральных племен мелпа. На севере потроха, входящие в состав дара, передаются родственникам невесты сырыми вместе с мясом. На юге же существовал обычай варить потроха. В доколониальную эпоху у племен хаген вообще повсеместно было принято подносить в качестве дара невесте вареную свинину, а не живых свиней. Центральные племена мелпа с недавнего времени завели обыкновение дарить невесте живых свиней. Поэтому если бы родственники жениха отказались варить мясо под предлогом, что его надо нести на большое расстояние, это

³⁵ А. Strathern. Указ. раб., с. 34—53; см. также М. Reay. Указ. раб., с. 33, 36, 38.

³⁶ А. Strathern. Указ. раб., с. 30—40.

могло разладить уже наметившееся бракосочетание с невестой из северной группы³⁷.

Этнографические материалы о коренном населении Нагорья Папуа Новой Гвинеи создают впечатление, что явления эндогамии и экзогамии, представления о своем происхождении, этническое самосознание и отражение исторических судеб в сознании отдельных групп очень тесно связаны между собой. Очевидно, эти явления в качестве этнодифференцирующих критериев составляли и составляют в сознании отдельных групп населения единый комплекс. Во всяком случае для многих компонентов этнического сознания могут быть обнаружены связи с реальными социальными феноменами. Поэтому концентрация внимания исследователя исключительно на этнодифференцирующих факторах сознания, так, как это предложил Ф. Барт³⁸, может привести к недооценке социальной обусловленности этих явлений.

Согласно этнографическим источникам, такие этноинтегрирующие и этнодифференцирующие факторы сознания, как «нравы» и «обычаи», подвергались в Центральном нагорье постоянному изменению. Здесь, как и у других подобных этнических групп, очень трудно определить исторический уровень развития нравов и обычаев. Несомненно, что нравы и обычаи, связанные с определенной социальной группой или этносом, не могут быть без изменений заимствованы у предыдущей социально-экономической формации³⁹. Но не следует забывать и о том, что на поздних фазах первобытного общества социальные группы и классы только начали складываться, нравы и обычаи еще не подверглись идеологизации в той мере, какая характерна для развитого классового общества, а взаимное противопоставление этносов еще не было столь отчетливым.

Приведем пример с йегуэ⁴⁰. Он послужит как бы обобщением вышеизложенного и продемонстрирует в рамках определенного региона конкретно-историческое, не лишнее противоречий соотношение между социальными явлениями, которые мы рассматривали в качестве факторов, влияющих на этническое развитие, а также на формирование критериев их анализа. Этот пример указывает на связь между общностями, находящимися на различных этапах этнического развития, и свидетельствует о том, что еще при первобытнообщинном строе этнодифференцирующие процессы были в известной мере связаны с этноинтегрирующими. Йегуэ, группа в 880 чел. (в 1965 г.), живет компактно в одном селении. Йегуэ — их самоназвание, а «негва» означает на языке йегуэ «мы». Внутри племени йегуэ нет никаких диалектных различий. Йегуэ не представляли собой ни организационно-политического, ни обрядового единства, но были преимущественно эндогамными. Йегуэ поддерживали различные по степени интенсивности отношения с четырьмя соседними племенами: хьялтье, вотьемийе, хилемийе и катье. Отношения эти поддерживались, несмотря на то что эти племена принадлежали к другим диалектным группам. Йегуэ переселились сюда около ста лет назад из южной области, расположенной западнее Меньямийи, где обитала диалектная группа ягвой. В то время как хьялтье, вотьемийе и

³⁷ M. Strathern. Указ. раб., с. 331—34.

³⁸ F. Barth. Introduction.— In: F. Barth (ed.). Ethnic groups and boundaries. Boston s. a., p. 10, 13—15, 17—18.

³⁹ Г. Е. Марков установил принципиально важные связи между развитием общественно-экономических формаций, исторических типов этнических общностей и определенных форм быта (Г. Е. Марков. Этнос, этнические процессы и проблема образа жизни.— «Расы и народы», 7, М., 1977, с. 9—28). Я. С. Смирнова и А. И. Першиц подчеркнули в недавней специальной работе значение нравов и обычаев для прогрессивного развития общественно-экономических формаций (Я. С. Смирнова, А. И. Першиц. Избегание: формационная оценка или «этнический нейтралитет»? — «Сов. этнография», 1978, № 6).

⁴⁰ См. H. Fischer. Указ. раб., с. 9, 19, 34—41, 44, 145, 310, 318—9, 372, 425.

хилемийе могут объясниться между собой, йегуэ общались с ними, а также и с катъе только при помощи людей, говорящих на обоих языках. Наиболее тесными были связи йегуэ с катъе. Между ними заключалось много браков, они принимали участие в обрядах инициации друг у друга, не вели войн друг с другом и были связаны отношениями обмена. С хьялтъе они тоже поддерживали отношения обмена, военных осложнений у них не бывало, иногда заключали с ними браки. Несмотря на то что вотьемийе принимали участие в обрядах инициации йегуэ и между этими группами также существовали отношения обмена, все-таки у них случались военные столкновения. Относительно хилемийе известно лишь то, что йегуэ время от времени оказывались втянутыми в военные столкновения с ними. Взаимное гостеприимство друг другу оказывают йегуэ, хьялтъе, вотьемийе и катъе. Вопреки языковому фактору отношения йегуэ с катъе и хьялтъе явно более близкие. По их собственным словам, они составляли с этими группами «более крупную общность», не имевшую, однако, названия. Очевидно, в формировании сознания принадлежности к этой общности известную роль сыграло и сходство исторических судеб. О хилемийе йегуэ говорили, что они немногочисленны «иначе выглядят», носят несколько иную одежду и украшения и что они «воры».

В мифах йегуэ упоминаются «жители юга», с которыми они вели обмен, а также некая этническая группа, с которой у них были военные столкновения. Несомненно, здесь отразились воспоминания о происхождении «с юга», откуда, как уже говорилось, йегуэ переселились (возможно, под давлением) на территорию своего нынешнего обитания только 100 лет назад. В их мифах упоминаются хьялтъе и вотьемийе, но ничего не сообщается о катъе и хилемийе.

У Н. А. Бутинова, несомненно, были основания к тому, чтобы считать, что многие «этнические общности», особенно так называемые племена, существовали не в реальной и социальной жизни коренного населения Папуа Новой Гвинеи, а лишь в представлениях и высказываниях этнологов и антропологов⁴¹, но бесспорно также после всего вышесказанного и объективное наличие этнических общностей, все-таки более или менее четко поддающихся разграничению. Безусловно, колониальная администрация Папуа Новой Гвинеи объективно и субъективно способствовала развитию определенных проявлений «трибализма», а потому молодой государственной власти в этом районе придется бороться с последствиями этого явления⁴². И она сможет сделать это успешнее, если будет рассматривать реальные этнические отношения и процессы в прошлом и настоящем как составную часть более широких тенденций общественного развития и извлечет из этого необходимые выводы.

STUDYING THE INTERRELATION OF SOCIAL AND ETHNIC PHENOMENA AND PROCESSES IN THE CENTRAL HIGHLANDS OF PAPUA NEW GUINEA

The author attempts to apply the principles of studying ethnic phenomena and processes put forward by Yu. V. Bromley to the situation in the Central Highlands of Papua New Guinea, mainly that which prevailed from the thirties to the sixties of the present century. This is intended as a contribution towards an analysis of the interrelation of social and ethnic processes in late pre-class society. Among other questions dealt with by the author she examines the problem of what type of social unit of that period can have represented a social and an ethno-social organism. The paper propounds the hypothesis that it was out-of-the-ordinary clans with above-average economic and non-economic potential and relatively stable clan alliances that became cores around which such organisms evolved. Their emergence beginning with gradual socio-economic differentiation and the increasing significance of non-kinship ties based on territorial proximity most probably had no small impact on ethnic processes.

⁴¹ Н. А. Бутинов. Указ. раб., с. 26.

⁴² B. Treide. Soziale Strukturen und ethnische Verhältnisse..., S. 66 ff.